

ГАЛИНА ФЕЛИКСОВНА ВЕШТОРТ

ТИПЫ ВАРИАНТОВ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Одним из важных видов работы в области терминологии является подробное лексикографическое описание отдельных терминологических систем. Но и в процессе общезыкового лексикографического описания в какой-то степени упорядочивается терминология, что заключается в «отборе и выделении прежде всего наиболее устойчивых и употребительных форм терминов». Эта задача выполнялась составителями Толкового словаря белорусского языка¹, Русско-белорусского словаря², хотя в источниках словарей не включалась узкоспециальная литература.

Основной принцип терминологии, заключающийся во взаимно однозначном соответствии между терминами и обозначаемыми ими понятиями, на практике не всегда выдерживается, и наличие полисемии и омонимии в терминологической лексике признается многими исследователями, с оговоркой, что синонимы, напр., здесь имеют «иную природу и иные функции»³.

В понятие вариантности терминологической лексики мы включаем наличие фонетических, словообразовательных и лексических дублетов для одного специального понятия (термин *дублет* предложен О. С. Ахмановой). Наиболее распространенными видами вариантов в белорусской терминологии являются лексические и словообразовательные.

В советскую эпоху интенсивного развития белорусского литературного языка в широком кругу языковых проблем центральное место отводилось формированию научной терминологии. Методологический принцип выработки белорусской научной терминологии в начале 20-х гг. заключался в том, что в основу ее должны были быть положены слова живого народного языка. Если же необходимых терминов в народном языке не было, то на собственном языковом материале создавались неологизмы или заимствовались готовые иностранные слова в нужном терминологическом значении. Допускалось и параллельное употребление белорусского и иностранного слова или двух белорусских⁴, т. е. уже в

¹ Тлумачальны слоўнік Беларускай мовы.— Мінск, 1977—1980, т. 1—4.

² Русско-белорусский словарь.— Минск, 1982, т. 1—2.

³ Даниленко В. П. Русская терминология/Опыт лингвистического описания.— М., 1977, с. 73.

⁴ Беларуская навуковая тэрміналогія. Элементарная матэматыка.— Мінск, 1922, вып. 1, с. 3—4.

самой методологии создания терминологической лексики предполагалась возможность лексической вариантности. В такие области терминологии, как ботаническая, зоологическая, сельскохозяйственная, где народная терминология более всего была развита, вошло довольно значительное количество слов из народной лексики. Было создано и значительное число новообразований на собственно белорусском материале. В дальнейшем «практика использования территориально ограниченной лексики в значении терминов уже к концу 20-х гг. показала свою нежизнеспособность. Начинается обратный процесс — замена народно-диалектных слов и искусственных образований терминами интернационального или русского происхождения»⁵. Но многие общеизвестные и даже территориально ограниченные народные термины остались наряду с заимствованными в специальных терминологиях, образуя дублетные ряды.

Лексическая вариантность современной белорусской терминологии имеет несколько разновидностей, где дублетами выступают собственно белорусский (или по давности заимствования воспринимаемый как собственный) и заимствованный, чаще всего появившийся из русского, польского или через посредство русского языка, два и более собственно белорусских слова, собственный термин и калькированный, оба термина, пришедшие из русского языка и отражающие вариантность русской терминологии.

Широкие научные контакты со всеми союзными республиками на основе русского языка создают большие возможности для проникновения в белорусский язык массы научных терминов из русского. Собственно белорусские профессиональные термины, вошедшие в специальную терминологию, образовали дублетные пары с пришедшими позднее из русского языка терминами, напр.: *асяродак* — *стрыжань*, *асада* — *ручка*, *рамка*, *валюш* — *сукнавалка*, *жвір* — *гравій*, *касяк* — *раскос*, *кочат* — *уключына*, *клямар* — *скаба*, *шарош* — *россып*. Лексические варианты, подобные приведенным выше, могут иметь различные сферы употребления. В специальной литературе чаще будут употребляться общие с русскими слова (*стрыжань*, *сукнавалка*, *гравій*, *скаба*, *россып*), а их собственно белорусские дублеты, введенные словарями в сферу терминологии, имеют обычно больший семантический объем и более широкую сферу употребления, в том числе и в разговорной речи (*асяродак*, *валюш*, *жвір*, *касяк*, *клямар*). Некоторые из дублетов остаются известными на ограниченной территории (*кочат*, *клямар*). В подобных отношениях (собственно белорусский — русский) находятся лексические дублеты других терминологических областей, напр.: *баранок* — *смушак*, *капец* — *бурт*, *катах* — *пачатак*, *мяцёлка* — *султан*, *паляндвіца* — *філей*, *паралюш* разг. — *параліч*, *садавіна* — *фрукты*, *спароўванне* — *злучка*, *сячкадня* — *саламарэзка*,

⁵ Баханькоў А. Я. Развіццё лексікі беларускай літаратурнай мовы ў савецкі перыяд. — Мінск, 1982, с. 46.

хвоя — сасна, хуткасць — скорасць, шчэлены — жабры. Возможно, критерием принадлежности к терминологической в собственном смысле слова лексике могла бы служить способность к образованию новых производных терминов. Логично предположить, что будущее за теми терминами, которые участвуют в образовании других терминологических названий, напр.: *буртаванне, буртавальшчык, буртайкладчык; скоры поезд, каробка скарасцей; паралітык, паралітычны; фруктовы, фруктаапрацоўчы*. Поэтому на современном этапе становления терминологической лексики в общеязыковых словарях стоило бы подобные термины отмечать пометами, указывающими на их принадлежность к специальной терминологической лексике (напр.: кул. *філейны* — Русско-белорусский словарь), оставляя за их дублетами (напр.: *капец, паляндвіца, садавіна, хуткасць, цягнік, шчэлены*) квалификацию общеизвестных слов, сфера употребления которых более широкая — литературный язык, народные говоры. Так, к примеру, во 2-м издании Русско-белорусского словаря из терминологической лексики исключена лексема *хвіліна* «часть часа», хотя еще лет 20—25 тому назад ею пользовались как термином.

В ряд лексических дублетов входят устаревшие белорусские (или давно заимствованные) термины и термины, общие с русскими, напр.: *мытня, мытны* уст. — *таможня, таможенный, літаванне* уст. — *паянне, пайка, штэпаршчык — загатоўшчык, кохлік* разг. — *коклюш*.

Другую разновидность лексических вариантов образуют термины, из которых оба воспринимаются как белорусские, пришедшие в терминологию из народного языка, часто из разных его диалектов. Такого рода дублеты встречаются в ботанической, зоологической, сельскохозяйственной терминологии. С точки зрения семантических отношений они могут быть абсолютными синонимами, хотя, имея общее предметное значение, не всегда равнозначны по употреблению. В паре *асавік — падасі-навік* первое название ограничено территориально и не должно быть введено в ботаническую терминологию, равно как и другие народные названия этого гриба. Название *буякі* является более употребительным, чем приводимое рядом в Русско-белорусском словаре в терминологическом значении *дурніцы*. По этой же причине не следует давать синонимом к *кнігаўка* (рус. *чибис*) областное название *каня*, тем более, что оно известно как название другой птицы; *пожня* является областной лексемой к общелитературному *сенажаць*. Иногда лексические варианты, поданные в Русско-белорусском словаре как однозначный перевод с русского, воспринимаются как синонимы с определенной семантической дифференциацией (напр.: *дзяды* — название для лопуха в стадии цветения и плодоношения; *лёк* в литературном языке — «селедочный рассол», а «рассол в квашеных овощах» — *расол*; *сцірта* — кладка снопов или сена под открытым небом, *тарпа* — в помещении, под навесом). Семантически дифференцируются и другие дублеты, как напр.: *збіванне* — *звязванне* (рус. *сплотка*), *склюд* — *сякера, саджанец* — *флянс*. В разных спе-

циальных контекстах будут употреблены данные в Русско-белорусском словаре как синонимы *порыстасць* (вапняку) — *сітаватасць* (дрэва, рэчыва) — *шчылінаватасць* (сцен), *спагнанне* — *пакаранне*, *кара* (рус. *взыскание*). В паре *гатунак* — *сорт* первый термин обозначает разновидность товаров, а *сорт*, кроме этого, — разновидность культурных растений.

Большую группу лексических дублетов, состоящих из белорусских (или давно заимствованных) лексем, составляют абсолютные дублеты, напр.: *бык* — *бугай*, *вяпрук* — *парсюк*, *дубальтоўка* — *двухстволка*, *сена-складальнік* — *капаклад* и др.

Терминологической лексике, в отличие от общелитературной, менее свойственны стилистические синонимы, но приведенные ранее примеры разных сфер употребления терминов-дублетов, разговорных, устаревших и устаревающих, свидетельствуют о наличии стилистической синонимии.

Еще одной разновидностью лексической вариантности в белорусской терминологии является «отраженная» дублетность, т. е. перешедшая в белорусскую терминологию из русского языка, напр.: *альяс* — *сабур*, *інжыр* — *смоква* — *фігавае дрэва*; *ветраніца* — *кураслеп* — *анемона*, *завісь* (калька от рус. *взвесь*) — *суспензія*, *кітолаг* — *кітаіст*, *кляймо* — *таўро*, спорт. *ракетка* — уст. *ракета*, воен. *адступленне* — *рэтырада*, *свішч* — *фістула*. Некоторые отраженные дублеты имеют в белорусском языке несколько другое употребление. Русское *тифус* является устаревшим термином, который в 4-томный академический словарь уже не включен. Белорусские дублеты *тыф* и *тыфус* (заимствовано без посредства русского языка) имеют другое распределение: как медицинский термин употребляется *тыф*; *тыфус* широко представлен в современной художественной прозе как разговорный термин параллельно с *тыф*.

Лексические дублетные пары терминов в белорусском языке могут состоять из полных и кратких названий (*загатоўчы пункт* — *заготпункт*, *прафесійна-тэхнічная адукацыя* — *прафтэхадукцыя*), но чаще всего в белорусском языке они представляют собой также отраженную дублетность.

Словообразовательные варианты терминов — слова, образованные от одного слова при помощи различных словообразовательных средств. Созданные по одной модели термины могут отличаться суффиксами, напр.: *выпаўзак* — *выпоўзіны*, *мовазнавец* — *мовазнаўца*, *паравымернік* — *паравымяральнік*, *самайладства* — *самайладдзе*, *сачавіца* — *сачыўка*, *сенападбіральнік* — *сенападборшчык*, *трыснёг* — *трысцё*, *ялавіца* — *ялаўка*. Словообразовательные варианты также могут отличаться отсутствием или наличием суффикса, напр.: *апад* — *ападкі*, *вуда* — *вудачка*, *запал* — *запальнік*, *матыль* — *матылёк*, *снегачыст* — *снегаачышчальнік*. Образования типа *вудачка*, *матылёк* введены в ранг терминологических названий под влиянием русских *удочка*, *бабочка*, и в специальном науч-

ном обороте, как и в живой речи, в данных случаях преимущество остается за бессуффиксными формами (чего нельзя сказать о всех других парах бессуффиксных и суффиксальных пар). Иные словообразовательные варианты отличаются и моделями и средствами словообразования, напр.: *ворыва — узворванне, узорванне — разворванне, снегаўборка — снегапрыбіранне, суцэльналіты — суцэльнаадліваны*. Особую разновидность словообразовательной вариантности составляют сложные образования, в которых варьируется одна из составных частей, напр.: *каняводства — конегадоўля, проціціск — супрацьціск, проціракетны — супрацьракетны, самадзяржаўе — ист. самаўладства*. Словообразовательные варианты могут отличаться отсутствием — наличием приставок или самими приставками, напр.: *шчэпа — прышчэпак, замер — абмер*.

Каждая разновидность словообразовательной вариантности имеет свои особенности, свой объем, свою типологию. Здесь мы остановимся на одной группе суффиксальной вариантности — отглагольных существительных. Возможность образования названий действия, процесса, состояния, т. е. отглагольных существительных, при помощи продуктивных суффиксов *-нн(я)*, *-к(а)* и 0-суффикса создает базу словообразовательной вариантности. Если учесть, что суффикс *-нн(е)* может присоединяться к основам совершенного и несовершенного вида, то количество возможных вариантов увеличивается. Не все возможные модели реализуются в языке, но наличие трех-четырех существительных, образованных от одного глагола, — довольно частое явление, напр.: *аблава — аблоў — аблоўліванне, адбор — адбіранне — адборка, расклад — раскладанне — раскладванне — раскладка*. Процесс образования подобных названий живой и достаточно активный, продолжается практически все время (напр.: *выбракоўванне — выбракоўка, заніраванне — занаванне, тлушчаванне — тлушчэнне*), а тенденции к ограничению какого-либо определенного типа образования отглагольных существительных пока не наблюдается. Варианты отглагольных существительных вступают в сложные семантические отношения, которые могут быть в общем охарактеризованы как семантическое тождество и нетождество. Для нормализации употребления вариантов отглагольных существительных необходимо для каждой вариантной разновидности устанавливать семантическое тождество или нетождество ее вариантов.

Полное семантическое и стилистическое тождество наблюдается в дублетах существительных, образованных от одновидовых бесприставочных глаголов при помощи суффиксов *-нн(е)* и *-к(а)*, напр.: *варсаванне — варсоўка, вербаванне — вярбоўка, глазураванне — глазуроўка, градзіраванне — градзіроўка, каландраванне — каландроўка, калібраванне — каліброўка*. В перечисленных и им подобных существительных Толковый словарь белорусского языка не выделяет предметных значений, но в языковой практике в большинстве случаев существительные на *-к(а)* отмечены оттенком законченности, имеют при себе определения (*прыехаць на вяр-*

бойцы, фасонная варсоўка, удалая грывіроўка) и, как правило, отличаются некоторым преимуществом по частоте употребления.

Полное семантическое и стилистическое соответствие имеют существительные, образованные от видовых пар приставочных глаголов, напр.: *абточванне* — *абточка*, *адмучванне* — *адмутка*, *адпайванне* — *адпайка*; *дагартроўванне* — *дагартроўка*, *перачаканьванне* — *перачаканка*; *авалоданне* — *авалодванне*, *абмеркаванне* — *абмяркоўванне*, *адслаенне* — *адслоньванне*; *апрамяненне* — *апраменьванне*, *атаясамленне* — *атаясамліванне*. В отглагольных существительных, образованных от парных глаголов совершенного и несовершенного видов, не сохраняется противопоставление совершенности — несовершенности действия. Указание в словарях на связь с глаголом того или иного вида скорее всего остается указанием в плане выражения, т. е. указанием на его образование. Ср.: *авалоданне сумежнымі прафесіямі стала мэтай моладзі* и *мы ідзем да авалодвання новымі крыніцамі энергіі*; с другой стороны — *работа па авалоданню майстэрствам* и *пайшлі цяжкія гады авалодвання майстэрствам*.

В отношениях семантического тождества могут быть и отглагольные существительные с 0-суффиксом и суффиксом *-нн(е)*, напр.: *аблоў* — *аблоўліванне*, *абкорм* — *абкормліванне*, *абмер* — *абмерванне*, *адстрэл* — *адстрэльеванне*, *вылаў* — *вылоўліванне*. Некоторое преимущество по частоте употребления имеют бессуффиксные существительные. В таком же отношении семантического тождества находятся и существительные от заимствованных глаголов, одно из которых (на *-цыя*) заимствовано, а другое образовано по модели родного языка, напр.: *апрабацыя* — *апрабаванне* — *апрабоўванне*, *арыентацыя* — *арыентаванне* — *арыенціроўка*, *кампраметацыя* — *кампраметаванне*, *кастрацыя* — *кастрыраванне*. Существительные на *-цыя* в Толковом словаре обычно несут основную информационную нагрузку и являются семантическим центром всего словообразовательного гнезда.

Между отглагольными существительными с разными суффиксами могут быть и более сложные отношения, когда в одном из вариантов — чаще с суффиксом *-к(а)* и 0-суффиксом — помимо значения действия, развивается значение конкретности: а) результат действия, напр.: *афарбоўка* «цвет, оттенок», *высыпка* «сыпь», *вальцоўка* «мука», *групойка* «объединение, группа», *грунтоўка* «слой», *градуіроўка* «деление», *гафрыроўка* «ряд складок», *абпал* «обожженный кирпич», *адвод* «ответвление», *аплата*, *выплата*, *даплата* «деньги», *адсеў* «то, что отсеялось», *асмол* «смолистая древесина»; б) материал или орудие, при помощи которого осуществляется называемое в первом значении действие, напр.: *аблямоўка* «материал», *вальцоўка* «машина», *драпіроўка* «то, чем драпировано»; в) способ, характер этого действия, напр.: *кладка*, *лінейка*, *шліфоўка*. Часто могут иметь предметное значение существительные на *-цыя*: *грануляцыя*, *дакументацыя*, *кампіляцыя* и др. Значительно реже

приобретают значение в вариантном ряду существительные на *-нн(е)*, напр.: *абмундзіраванне, адпраўленне, аблямаванне, вязанне*.

Варианты на *-нн(е)* и *-ванн(е)* могут различаться тем, что одни обозначают состояние, другие — действие, напр.: *абясцэнненне* и *абясцэньванне*, *анямечанне* и *анямечванне*, *апустошанне* и *апустошванне*, *абясколеранне* и *абясколерванне*.

Существительные одного вариантного ряда, будучи соотнесенными с различными значениями глагола, имеют разную семантику. Существительные на *-нн(е)* чаще имеют больший диапазон значений по сравнению с существительными на *-к(а)*: *адмыўка* «очистка от примесей промыванием», *адсадка* «отделение полезных ископаемых от пустой породы», *адпас* «откорм, отгул скота», *адкос* «отработка пособий» ограничены в значениях по сравнению с *адмыванне, адсаджванне, адпасванне, адкошванне*.

Наличие словообразовательных вариантов способствует избежанию многозначности терминов. Становится возможным процесс дифференциации терминов, которые образуются от различных значений глагола при помощи разных словообразовательных средств, напр.: *абклад* «окружение зверя во время охоты» и *абкладанне* «обязательство к выплате налога»; с.-х. *апыльванне* и бот. *апыленне*; *кансерваванне* (грибов, крови) и *кансервацыя* (крови, предприятия); зоол. *лінька* и *лінянне* (про окраску); *прыгнечанне* «эксплуатация» и биол. *прыгнечванне* «угнетение каких-л. процессов»; *захаванне* «сохранение в целости», «соблюдение» и *захоўванне* «длительное хранение».

Отдельную группу вариантов составляют фонетические, орфоэпические, орфографические варианты, где нормирование можно и следует провести в первую очередь (напр.: *адліга* — *адлега*, *капёр* — *капар*, *кмен* — *кмін*, *правіда* — *правіла*, *прожылак* — *пражылак*, *скрэбла* — *скрабло*, *футляр* — *футарал*). И здесь каждая вариантная пара имеет свои источники, то ли распространенность на различной территории, то ли различное иноязычное влияние.

Даже довольно поверхностное рассмотрение видов и разновидностей терминологической вариантности наводит на мысль о том, что, с одной стороны, образование терминов-вариантов закономерно на стадии возникновения и становления новых понятий и их названий, что характерно для терминологии вообще; с другой стороны, особенностью белорусской терминологии является то, что ее становление и формирование в целом еще не закончилось, как и нормирование средств белорусского литературного языка в целом. Синонимия и полисемия терминов, история их вхождения в систему, стилистические различия, частотные и другие характеристики не могут быть полностью представлены в общезыковых (филологических) словарях. Это — задача терминологической лексикографии и специальных исследований.